

УДК 347.2/3

ВОПРОСЫ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ДИНАМИКЕ СЕРВИТУТОВ

Ананьев Андрей Геннадьевич,

канд. юрид. наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданского права и процесса,
e-mail: andrey-a-g@mail.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани

В статье рассматривается категория добросовестности в контексте реализации гражданских прав на имущество, принадлежащее иному лицу. Действующее законодательство закрепило принцип добросовестности применительно ко всем институтам гражданского права. Анализ современного законодательства позволяет заключить, что на сегодня отсутствуют четкие и единообразные подходы к пониманию и раскрытию добросовестности как общей и целостной категории, так и в рамках отдельных институтов гражданского права. На основе методов анализа и сопоставления в работе сделана попытка проследить реализацию данного принципа в динамике права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом (сервитуте). В статье констатируются недочеты, имеющиеся в нормах, регулирующих соответствующие отношения. С учетом анализа теоретического и правоприменительного материала автором сделаны некоторые выводы по данной проблематике: о невозможности формулирования единого понимания добросовестности в сервитутном праве, так как она поставлена в зависимость от динамики соответствующего отношения. Полученные результаты исследования могут быть применены в правоприменительном процессе при регулировании отношений в области сервитутных отношений.

Ключевые слова: добросовестность, титульное владение, сервитут, земельный участок, недвижимость, право собственности, эстоппель

THE QUESTIONS OF GOOD FAITH IN THE DYNAMICS OF EASEMENTS

Ananiev A.G.,

candidate of legal sciences, assistant professor,
deputy head of the department of civil law and procedure,
e-mail: andrey-a-g@mail.ru,
Ryazan branch of Moscow Witte University, Ryazan

The article discusses the category of good faith in the context of the exercise of civil rights to property belonging to another person. The current legislation enshrined the principle of good faith in relation to all civil law institutions. An analysis of modern legislation allows us to conclude that today there are no clear and uniform approaches to understanding and disclosing the good faith of both a general and holistic category, and within individual civil law institutions. Based on the methods of analysis and comparison, an attempt was made to trace the implementation of this principle in the dynamics of the right of limited use of someone else's real estate (easement). The article states the shortcomings that exist in the rules governing the relevant relations. Taking into account the analysis of theoretical and law enforcement material, the author made some conclusions on this issue. The author concludes that it is impossible to formulate a common understanding of good faith in easement law, since it is made dependent on the dynamics of the corresponding relationship. The results of the study can be applied in the law enforcement process in the regulation of relations in the field of easement relations.

Keywords: good faith, title ownership, easement, land plot, real estate, property rights, estoppel

DOI 10.21777/2587-9472-2019-3-49-55

Вопросы добросовестности участников гражданского оборота имеют не только большое теоретическое значение, но и приобретают весомый характер в правоприменительной деятельности. Наиболее существенным и резонансным стало легальное формулирование добросовестности в качестве основного начала гражданско-правового регулирования в ст. 1 ГК РФ и связанное с этим последовательное воплощение онога в жизнь в качестве мерила при разрешении дилемм о злоупотреблении

правом (ст. 10 ГК РФ) и применении правила эстоппель, играющего роль своеобразной санкции за нарушение положений о добросовестности [2, с. 195].

Критерии добросовестности и разумности (являющейся парной с рассматриваемой нами) являются оценочными, предназначенными для анализа субъективной стороны поведения участников гражданских отношений, в связи с чем следует согласиться с мнением Н.Л. Бондаренко о том, что попытки дать легальное определение исследуемым понятиям являются бесперспективными [5, с. 89].

В научной литературе встречаются разноплановые и диаметрально противоположные характеристики категории добросовестности. Одни исследователи ратуют и указывают на ее важность для сбалансированного развития права, иные – создают труды, обосновывающие вредность таковой именно гражданскому праву. Как пишет А.М. Ширвиндт, обсуждение добросовестности заиклено вокруг положений о том, является ли она неременной принадлежностью любого права [16, с. 206]. Д.В. Дождев обоснованно указывает, что добросовестность представляет собой дополнительное условие, наличие которого рефлексует то, что конкретная правовая система не лишена начал нравственности, и она инкорпорирует в себя известные содержательные ограничения, способные если не упразднить, то в значительной степени нивелировать наличествующий абстрактный уравнивающий характер [10, с. 97]. Вместе с тем, следует согласиться, что возникающая обязанность у лица подчинить свои собственные интересы интересам другой стороны нельзя признать в качестве универсального правила, ибо соотношение интересов участников оборота, помимо всего прочего, требует учета сложившихся обстоятельств, равно как и поведения противоположной стороны.

Вышеизложенное однозначно позволяет утверждать, что добросовестность является категорией, привносящей в гражданское право несвойственные ему нравственные начала [2, с. 196]. Как указывает Е.Е. Богданова, добросовестность представляет собой оценку как обществом, так и конкретным субъектом его поведения для данной ситуации и оценивающей стороны [4, с. 37]. Слабой стороной такого положения дел выступает то, что источником морали или же «эталоном оценки» становится «Я» конкретного лица, которое само для себя устанавливает шкалу ценностей [3, с. 29]. Эгоцентричный компонент для соответствующих лиц находит свое закрепление и в законодательстве, что выражается в следующем.

Установление права оценивать те или иные действия и обстоятельства как участникам данных отношений, так и суду, при разрешении споров, которые могут возникнуть между ними, невольно закладывает основу для возникновения конфликта пониманий добросовестности соответствующими лицами, поскольку каждый из них будет смотреть на проблему «со своей колокольни». Применительно к праву ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом мы можем это достаточно четко проследить в правоприменительной практике, когда суды отказывают в установлении искомого права, ссылаясь на то, что заинтересованная сторона не доказала необходимости его установления (Определение ВС РФ от 15 апреля 2016 г. № 305-КГ16-2830; Определение ВС РФ от 19 марта 2015 г. № 305-ЭС15-614; Определение ВС РФ от 18 декабря 2014 г. № 306-ЭС14-3980; Определение ВАС РФ от 25 апреля 2014 г. № ВАС-5447/14 и др.). Вместе с тем, лицо, обращаясь в суд с подобным требованием, исходит из необходимости для него такого права, поэтому его система потребностей указывает на необходимость заявленного требования, равно как он добросовестно полагает обоснованность своих притязаний. В этой связи Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что решение вопроса об установлении сервитута и его пределов должно определяться с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, а также исходя из общеправового принципа справедливости (Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1286-О, Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 1955-О).

В связи с этим возникает правомерный вопрос, каково же содержание категории «добрые нравы». Бесспорно, что принадлежность того или иного правила поведения, опосредованного в соответствующей правовой норме, применительно к той или иной отрасли права предопределяет и специфику требований таковой к поведению субъекта, при оценке его добросовестности. В контексте частного права имеется идея юридической справедливости, согласно которой никто не должен пренебрегать чужими интересами, если он сам претендует на защиту собственных [8, с. 7, 8].

Юридическое понятие добросовестности предполагает, в первую очередь, согласованность поведения субъекта с действующим правом и моделью тех юридических отношений, в которые оно всту-

пает, а не с предписаниями нравственности или того, что называют справедливостью, имеющей место в бытовом понимании. В контексте обозначенного, поведение обладает свойствами добросовестности с точки зрения объективных критериев, если таковое являет собой результат активных действий субъекта гражданского отношения, действующего как в поле имеющегося у него субъективного права, так и вне такового, с тем условием, чтобы соответствующая реализация меры возможного поведения не причинила вред интересам и правам противоположной стороны, в частности, сервитутодателю. Следовательно, принцип добросовестности в гражданском праве соотносится с реализацией прав и исполнением обязанностей в строго ограниченном пространстве, предполагаемом моделью конкретного отношения [1, с. 43]. Иными словами, можно говорить, что добросовестность соотносится с *causa*, выражающей собой некое объективное представление, опосредованное в типичном правовом результате. Соответственно, если имеющийся модус поведения конкретного лица не соответствует *causa* модели данного отношения, то можно ставить вопрос о его недобросовестности.

Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что *bona fide* в вещных отношениях большинство исследователей рассматривают как неотъемлемую часть при характеристике владения. Вопросы добросовестности применительно к вещному праву преимущественно сводятся к рассмотрению проблематики добросовестного владения. Однако, полагаем, что добросовестность как принцип не исчерпывается исключительно только одним *possessio*. Безусловно, владение выступает основной сферой приложения соответствующего правила, но не единственным¹.

Подотрасль вещных прав в гражданском праве на сегодня призвана удовлетворять как частноправовой интерес конкретного титульного владельца, так и интересы других лиц за счет вещи иного лица, равно как направлена на удовлетворение публичных интересов различных субъектов гражданских прав [8, с. 14]. В общем виде добросовестность в вещных правах выражена в осуществлении конкретным управомоченным лицом собственных правомочий, в первую очередь как собственника и в своем интересе, но в тех границах, которые установлены законом, в частности, с учетом интересов иных третьих лиц, дабы реализация права не повлекла нарушения таковых. «Добросовестность» в гражданских отношениях как правовая категория в своей основе с внешней стороны не может быть чем-то иным, кроме как строгое соблюдение буквы закона, при этом не предполагаемым, имеющим место при извинительном незнании, а действительном [12, с. 96]. Именно в этой связи является особо важной законодательная установка, согласно которой не допускается не только то, что прямо воспрещено законом, но также и то, что не отвечает общеустановленным позициям общества на требования честности, добросовестности, справедливости, правдивости, порядочности [18, с. 159].

Категорию «добросовестность» надлежит рассматривать в двух аспектах: объективном и субъективном. В первом случае она выступает как принцип гражданского права. Иными словами, в объективном смысле добросовестность есть предел осуществления соответствующего субъективного вещного права управомоченным лицом, который рассчитан на удержание поведения такового в четко ограничиваемых рамках [8, с. 15]. В вещных отношениях в объективном смысле содержание принципа добросовестности также охватывается наличием легальных оснований приобретения соответствующего права, открытости информации, объем которой устанавливается нормативными актами об этом для относительно неопределенного круга лиц. В контексте субъективного восприятия рассматриваемая категория принадлежит к внутреннему механизму реализации права и понимается как когнитивной рефлексией субъектом того, как им реализуются его субъективные права или исполняются обязанности, в том числе через призму их правомерности, что бесспорно преломляется через конкретное личностное усмотрение субъекта прав в заданный момент времени.

Оценочные категории в нормах вещного права также могут позволять определять меру возможного и дозволенного поведения управомоченного лица. Главное в применении норм с оценочными компонентами – это свобода действовать в соответствии со своим выбором (в своем интересе), пределы которого должны быть предопределены нормами права и морали. Так, отечественный законодатель для урегулирования случаев конфликта соседских отношений предусматривает возможность определе-

¹ Романова И.Н., Михайлова И.А. Римское право: понятие, система, принципы и субъекты: учебное пособие. – Рязань, 2007. – С. 34.

ния сервитута, который генерируется либо для формирования определенных выгод при эксплуатации конкретного недвижимого имущества, обременяемого сервитутом, посредством формирования определенной возможности доступа и обладания к имуществу для лиц, являющихся владельцем соседней недвижимой вещи.

Следует отметить, что принцип добросовестности в праве ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом находит свое применение не только при реализации сервитутного права, но и в процессе установления данного права. К оценке добросовестности сторон надлежит обращаться при рассмотрении их действий в соседских отношениях ввиду того, что пределы осуществления сервитутного права будут выступать критериями оценки добросовестности [6, с. 123].

Сервитуты по своей природе относятся к автономным ограничениям права собственности. Наличествующая публично-правовая регламентация землепользования имманентно-директивно не транслируется на ограничения права собственности, самостоятельно определяемые заинтересованными субъектами относительно земельных участков, которые предопределяются изначально диспозитивными началами и автономией воли сторон, в силу законоположений, отраженных в ст. 210 ГК РФ [7, с. 73]. Вместе с тем, сервитут не только обременяет недвижимую вещь, но и всегда теснит собственника обремененного имущества в осуществлении им его правомочий. Именно по этой причине некоторые кодифицированные акты гражданского законодательства европейских стран непосредственно или опосредованно удостоверяют за сервитутом ограничительную сущность в отношении права собственности на чужую вещь [15, с. 104].

Добросовестность в процессе установления сервитутного права, в большинстве случаев, преломляется через призму обоснованности требований об установлении сервитута. Так, в отдельных решениях, как обоснованно отмечается в литературе, суды констатируют злоупотребление правом несмотря на то, что у субъекта вообще отсутствует право на совершение соответствующих действий [13, с. 178]. Например, в одном из судебных актов отмечается, что в ходе рассмотрения спора судом установлено, что истец при осуществлении строительства не предусмотрел проезд к спорному объекту, а заявленный иск по установлению сервитута направлен на получение возможности подъезда именно к такому строению, соответственно, истец при таком положении дел злоупотребляет своим правом требовать установления сервитута (ст. 10 ГК РФ) (Постановление ФАС Центрального округа от 29 июня 2011 г. по делу № А08-11890/2009-15). В другом деле судом отмечается, что, приобретая земельный участок с имеющимся на таковом газопроводе, истец, действуя разумно и добросовестно, мог и должен был решать вопрос об уменьшении стоимости участка в связи с отмеченным обстоятельством, а требование об установлении сервитута в изложенном случае фактически направлено на извлечение денежной компенсации, связанной с нахождением газопровода в пределах участка, что не отвечает правилам ст. 274–277 ГК РФ и представляет собой форму злоупотребления правом (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06 мая 2016 г. № Ф09-5219/15 по делу № А60-50038/2014.).

При разрешении соседских споров, как отмечает Ю.П. Шубин, следует учитывать, что реализация титульным владельцем его прав на земельный участок в соответствии с установленными градостроительными, санитарно-эпидемиологическими, экологическими и иными нормами и правилами не устраняет само по себе возможного нарушения прав титульного владельца соседнего земельного участка [17, с. 68]. Например, собственник соседнего земельного участка может не высказывать какого-либо несогласия по поводу построенного в непосредственной близости от границ его участка строения. Вместе с тем, как верно отмечает Б.А. Булаевский, если при этом не соблюдаются требуемые по законодательству соответствующие правила, то расценивать добросовестными действия лица, возведшего строение, не представляется возможным [6, с. 124]. В общем виде здесь допустимо говорить о том, что в данном случае имеет место некая презумпция (предположение), что сосед действует в пределах своего права. Таким образом, продолжает автор, с чем трудно не согласиться, вторым принципом, который должен учитываться при разрешении соседских споров, является принцип разумности при осуществлении соседских прав [9, с. 52; 11, с. 400–402].

Требование о добросовестности при установлении сервитута или последующего его изменения исходит и из того, что таковым не могут замещаться иные способы восстановления права или данное право не может сводиться к возможности получения обогащения титульным владельцем служащей вещи.

Визуализация действия принципа добросовестности в спорах об изменениях сервитутных отношений в основном тяготеет к аспектам его стоимости. Правоприменительная практика исходит из того, что, например, изменение кадастровой стоимости служащего земельного участка, по общему правилу, не может признаваться в контексте имеющихся отношений сервитутного типа в качестве изменения обстоятельств, обладающих существенным характером, от которых отталкивались стороны при изначальном заключении соглашения, для внесения в него корректировок в части изменения стоимости права пользования, в том числе в силу того, что собственник служащей вещи, исходя из концепта правового регулирования данных отношений, не имеет права обогащаться за счет сервитутария (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 октября 2016 г. № Ф10-3806/2016 по делу № А14-9556/2015).

Как нами указывалось ранее в иных работах, в сервитутном обязательстве, которое появляется при реализации соответствующего права (вне зависимости от основания его возникновения), важную роль играют такие принципы исполнения (реализации), как принцип добросовестности и взаимного сотрудничества (содействия). Законодательно данный принцип зафиксирован в положениях ФЗ РФ от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ, установившем новую редакцию ст. 307 ГК РФ. Значимость анализируемой правовой категории состоит в том, что она является базисом, на котором возводятся конкретные межсубъектные взаимные частные отношения в рамках конкретных частноправовых отношений, в том числе и сервитутного типа. Как следствие обозначенного положения дел, добросовестность является базовой предпосылкой к тому, чтобы субъект отношений соизмерял свои модусы реализации имеющегося субъективного права с потенциально наступающими для другого лица последствиями, и не стремился к негативному воздействию на оно. При несоблюдении обозначенного правила можно ставить вопрос об эстоппеле собственности. Несмотря на архаичность этого института, в российском законодательстве появились элементы эстоппеля. Эстоппель собственности, как форма защиты добросовестности в соседских отношениях, может быть использован в ситуации, когда титульный владелец земельного участка явно или со всей очевидностью разумеющей иной стороной способствовал ей в том, что последняя стала действовать к ухудшению своего положения, рассчитывая на то, что она в последующем приобретет права на соседний земельный участок или же она уже полагалась на убежденность в том, что обладает соответствующими правами в отношении такового. Вместе с тем, средства защиты права при таких обстоятельствах могут проявиться только в крайнем случае даже тогда, когда лицо наделено абсолютным правом собственности (*fee simple*), либо ему предоставлено ограниченное право пользования земельным участком. Наиболее четко эстоппель собственности можно проследить в Определении ВС РФ от 10.03.2016 г. № 308-ЭС15-15458, в котором отмечается, что защита права должна быть поставлена в зависимость не только от формального предписания норм права, но и в обусловленность избранного способа защиты права с точки зрения не только частных интересов, но и публичных, которые были реализованы, в том числе, с согласия соответствующего лица [14, с. 24–30].

Вышеизложенное позволяет нам утверждать об отсутствии единого понимания добросовестности в динамике отношений по реализации права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом, что обусловлено бинарным толкованием в теории самой категории «добросовестность», а также ее зависимости от конкретного момента времени, применительно к соответствующей ситуации (спору). Правильная оценка поведения сторон в сервитутном праве в контексте добросовестности предполагает учитывать как объективную, так и субъективную сторону, что позволит наиболее полно и достоверно дать анализ конкретной спорной ситуации, в том числе при решении вопроса об отказе в защите соответствующего права.

Список литературы

1. *Анциферова Э.Ю.* Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – № 2 (6). – С. 42–47.
2. *Бибиков А.И.* Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 2. – С. 195–199.
3. *Богданов Д.Е.* Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: монография. – М.: Проспект, 2013. – 232 с.

4. *Богданова Е.Е.* Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 344 с.
5. *Бондаренко Н.Л.* О месте принципа добросовестности и разумности в системе принципов гражданского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 1. – С. 89–93.
6. *Булаевский Б.А.* Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях // Известия ИГЭА. – 2013. – № 6. – С. 121–125.
7. *Василишин И.И., Буднецкий Н.С.* Легальные и автономные ограничения права собственности на земельные участки // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – Т. 46, № 2. – С. 68–74.
8. *Ветер Н.Ю.* Злоупотребление правом при осуществлении вещных прав // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 106 (02). – С. 1–16.
9. *Виниченко В.Ю.* К вопросу о понятии соседского права // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3. – С. 49–55.
10. *Дождев Д.В.* Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / Д.В. Дождев [и др.]; под ред. В.С. Нерсисянц. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 256 с.
11. *Емелькина И.А.* Проблемы формирования института соседского права в российском гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – Т. 158, кн. 2. – С. 399–414.
12. *Попов В.С.* Трудности удовлетворительного законодательного разрешения проблемы «добросовестности» в гражданском праве // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 95–99.
13. *Харсеева В.Л.* «Иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» как форма злоупотребления правом // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 177–179.
14. *Церковников М.А.* О добросовестности в институтах вещного права // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 24–30.
15. *Шевцов С.Г.* Понятие и значение категории «пределы осуществления вещных прав» // Власть Закона. – 2010. – № 3. – С. 97–104.
16. *Ширвиндт А.М.* Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. – М.: Статут, 2014. – С. 203–242.
17. *Шубин Ю.П.* Соседские земельные споры: способы защиты прав и принципы разрешения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2014. – № 2. – С. 63–70.
18. *Щенникова Л.В., Быкова М.О.* Категория «добрые нравы» в гражданском законодательстве и цивилистической доктрине зарубежных стран // Вестник Пермского университета. – 2011. – № 2. – С. 153–160.

References

1. *Anciferova E.Yu.* Principy razumnosti, dobrosovestnosti i spravedlivosti kak osnovopolagayushchie kategorii chastnogo prava // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki». – 2016. – № 2 (6). – S. 42–47.
2. *Bibikov A.I.* Princip dobrosovestnosti v civilisticheskoy doktrine i sudebnoj praktike: problemy tolkovaniya // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – 2015. – № 2. – S. 195–199.
3. *Bogdanov D.E.* Spravedlivost' kak osnovnoe nachalo grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti v rossijskom i zarubezhnom prave: monografiya. – M.: Prospekt, 2013. – 232 s.
4. *Bogdanova E.E.* Princip dobrosovestnosti i evolyuciya zashchity grazhdanskih prav v dogovornyh otnosheniyah: monografiya. – M.: YurLitinform, 2014. – 344 s.
5. *Bondarenko N.L.* O meste principa dobrosovestnosti i razumnosti v sisteme principov grazhdanskogo prava // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2013. – № 1. – S. 89–93.
6. *Bulaevskij B.A.* Prezumpciya dobrosovestnosti v veshchnyh pravootnosheniyah // Izvestiya IGEA. – 2013. – № 6. – S. 121–125.
7. *Vasilishin I.I., Budneckij N.S.* Legal'nye i avtonomnye ogranicheniya prava sobstvennosti na zemel'nye uchastki // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2015. – Т. 46, № 2. – S. 68–74.

8. *Veter N.Yu.* Zloupotreblenie pravom pri osushchestvlenii veshchnyh prav // Nauchnyj zhurnal KubGAU. – 2015. – № 106 (02). – S. 1–16.
9. *Vinichenko V.Yu.* K voprosu o ponyatii sosedskogo prava // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2011. – № 3. – S. 49–55.
10. *Dozhdev D.V.* Dobrosovestnost' (bona fides) kak pravovoj princip // Politiko-pravovye cennosti: istoriya i sovremennost' / D.V. Dozhdev [i dr.]; pod red. V.S. Nersesyanc. – M.: Editorial URSS, 2000. – 256 s.
11. *Emel'kina I.A.* Problemy formirovaniya instituta sosedskogo prava v rossijskom grazhdanskom prave // Uchenyn zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». – 2016. – T. 158, kn. 2. – S. 399–414.
12. *Popov V.S.* Trudnosti udovletvoritel'nogo zakonodatel'nogo razresheniya problemy «dobrosovestnosti» v grazhdanskom prave // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2014. – № 5. – S. 95–99.
13. *Harseeva V.L.* «Inoe zavedomo nedobrosovestnoe osushchestvlenie grazhdanskih prav» kak forma zloupotrebleniya pravom // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 10. – S. 177–179.
14. *Cerkovnikov M.A.* O dobrosovestnosti v institutah veshchnogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2017. – T. 17, № 1. – S. 24–30.
15. *Shevcov S.G.* Ponyatie i znachenie kategorii «predely osushchestvleniya veshchnyh prav» // Vlast' Zakona. – 2010. – № 3. – S. 97–104.
16. *Shirvindt A.M.* Princip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie // Aequum ius. Ot družej i kolleg k 50-letiyu professora D.V. Dozhdeva / otv. red. A.M. SHirvindt. – M.: Statut, 2014. – S. 203–242.
17. *Shubin Yu.P.* Sosedskie zemel'nye spory: sposoby zashchity prav i principy razresheniya // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. – 2014. – № 2. – S. 63–70.
18. *Shchennikova L.V., Bykova M.O.* Kategoriya «dobrye nruvy» v grazhdanskom zakonodatel'stve i civilisticheskoy doktrine zarubezhnyh stran // Vestnik Permskogo universiteta. – 2011. – № 2. – S. 153–160.